АДАПТАЦИЯ ИСТОКИ

Книга третья: Путь домой

АВТОР: ЕВГЕНИЙ КОРОЛЁВ

Евгений Королев

Адаптация Истоки. Книга третья: Путь домой

https://litres.ru/74659953
SelfPub; 2026

Аннотация

Круг замыкается там, где всё началось. Пройдя сквозь выжженные земли и мертвый океан, остатки группы выживших возвращаются к руинам Нью-Йорка. Но город больше не принадлежит людям: Бруклинский мост опутан смертоносными фиолетовыми нитями Ткача, а улицами правит голодный Рой.

Чтобы нанести решающий удар по Источнику и вернуть человечеству право на будущее, Джону Кингу предстоит принять последний, самый тяжелый бой. В мире, где каждый шаг дается ценой крови, «Путь домой» — это не просто возвращение. Это последняя битва за право остаться человеком.

Евгений Королев
Адаптация Истоки. Книга третья: Путь домой

Глава 1: Мертвая тишина Нью-Йорка

Подглава 1.1: Пепел над Манхэттеном

Нью-Йорк встретил нас не ревом сирен, не грохотом канонады и даже не привычным для него гулом миллионов голосов. Он встретил нас пеплом. Он падал с серого, затянутого свинцовыми, тяжелыми тучами неба, словно грязный, радиоактивный снег, оседая на плечах, скрипя на зубах и безжалостно забивая угольные фильтры наших изношенных противогазов. Я чувствовал, как этот пепел — кожа сгоревшего мира — проникает повсюду. Он был на моих перчатках, на прикладе моего пулемета, он, казалось, въелся даже в мою кожу, напоминая о том, что всё, что мы когда-то называли домом, превратилось в прах. Мы вчетвером — я, Сэм, Коля и Рауль — стояли на покореженной эстакаде, ведущей прямо в сердце Манхэттена, и молча смотрели на то, что осталось от некогда величайшей столицы мира. Взгляд отказывался принимать эту реальность, мозг отчаянно пытался найти хоть что-то знакомое, что-то живое, но находил лишь

разруху.

Небоскребы, когда-то сверкавшие зеркальным стеклом и гордой сталью, теперь возвышались над островом, как гнилые, обломанные зубы колоссального мертвого чудовища, торчащие из разверзнутой пасти земли. Многие из них были от основания до самых шпилей опутаны уже до боли знакомой нам пульсирующей серой биомассой Ткача. Эта инопланетная плоть дышала, медленно вздымаясь и опускаясь в такт какому-то невидимому, хтоническому пульсу, от которого вибрировал сам воздух, проникая в кости. Это была не архитектура, это был паразит, который пожирал саму структуру цивилизации, превращая офисные центры в гигантские инкубаторы.

Мы проделали немыслимый, безумный путь, который сам по себе заслуживал того, чтобы быть записанным в анналы истории, если бы история еще кого-то интересовала. Мы вырвались из этого ада в самом начале конца, оставив город пылать, переплыли океан, выживали в заснеженных, безжалостных пустошах и мертвых, обледенелых городах России, спускались в мрачные, кишащие тварями тоннели московского метро, где каждый вдох был лотереей, и сражались с тем, что не поддавалось человеческому пониманию. И вот теперь круг замкнулся. Мы вернулись туда, откуда всё началось. Но дом больше не был до-

мом. Это была чужая, враждебная территория, перекроенная под нужды Роя до неузнаваемости.

Ветер гнал по мертвому асфальту обрывки старых газет, пластиковый мусор, детали одежды и облака едкой, удушливой пыли. Воздух здесь был густым, тяжелым, пропитанным запахом озона, гниющей плоти и ржавого, окисленного железа. Каждый вдох через маску давался с трудом, легкие горели от осознания того, что мы дышим ядом этого города.

— Тихо, — прохрипел в рацию Рауль, медленно опуская мощный армейский бинокль. Его голос, искаженный мембраной противогаза, звучал напряженно, словно натянутая до предела струна, готовая лопнуть в любую секунду. — Слишком тихо, амиго. Мне это дерьмо совсем не нравится. В Москве они выли так, что уши закладывало, от их воплей тряслись стены, а земля ходила ходуном. А здесь… как на кладбище. Ни единого звука. Даже ветер кажется мертвым, будто он боится пролетать между этих зданий.

— Это и есть кладбище, Рауль, — мрачно ответил Сэм, привычным, доведенным до автоматизма движением передергивая затвор своей тяжелой винтовки. Лязг оружейной стали прозвучал в этой мертвой тишине пугающе громко, эхом отдаваясь в бетонных каньонах. — Огромный склеп на восемь миллионов человек. Только мертвецы здесь не спят. Они

ждут. Они чувствуют вибрацию, они чувствуют тепло. Держим строй, парни. Не расслабляемся ни на секунду. Идем к финансовому кварталу, Уолл-стрит. Там старая застройка, толстые бетонные стены, банковские хранилища — больше шансов найти укрепленные подвалы, где можно безопасно перевести дух и составить план.

Я кивнул, проверяя ленту своего ПКМ. Холодный металл пулемета привычно тяжелил руки, даря иллюзию контроля над ситуацией, которой на самом деле не существовало. Но глубоко внутри, под слоями адреналина и боевого опыта, копошился липкий, первобытный страх. Нью-Йорк был не просто разрушен. Он был ассимилирован. Ткач переварил его, превратив бетонные джунгли в свой собственный, идеальный инкубатор. И сейчас мы, четверо глупцов, по собственной воле шагали прямо в глотку этого инкубатора. Я поправил лямки тяжелого рюкзака, в котором лежал наш последний НЗ и пара сменных фильтров, переглянулся с Колей, который молча проверил давление в баллонах своего огнемета, и сделал первый шаг по направлению к съезду с эстакады. Наш финальный путь начался, и я знал, что даже если мы дойдем до конца, никто из нас не вернется прежним.

Подглава 1.2: Спуск в чистилище

Мы начали медленный, изматывающий спуск с эс-

такады на заваленные улицы города. Наши тяжелые армейские ботинки громко хрустели по битому стеклу, стреляным гильзам, которыми был щедро усыпан весь потрескавшийся асфальт, и обломкам бетонных конструкций. Картина эвакуации, закончившейся кровавой бойней, предстала перед нами во всех своих ужасающих деталях. Улицы были наглухо забиты мертвым транспортом. Между брошенными, выцветшими желтыми такси, сгоревшими дотла школьными автобусами и остовами тяжелых военных Хаммеров лежали высохшие, растащенные мутантами человеческие костяки. Это были следы первых дней паники, когда люди в ужасе пытались покинуть остров, но оказались заперты в бесконечных пробках, став легкой добычей для падающего с неба кошмара.

В одном из заблокированных автомобилей, дверца которого была вырвана, я увидел детское кресло. Оно было пустым, но ремни безопасности оказались порваны, а обивка — залита бурым, запекшимся пятном. Я отвел взгляд, чувствуя, как в горле встает ком. Мы видели много смертей, но эти тени нормальной жизни, оставленные в этом апокалиптическом музее, ранили сильнее любого снаряда.

Мы продвигались «свиньей», прикрывая сектора обстрела. Я шел в авангарде, держа ствол пулемета чуть опущенным для быстрого вскидывания, Коля и

Рауль контролировали фланги, а Сэм замыкал строй, постоянно сканируя высотки через оптический прицел. Я чувствовал, как волоски на моих руках встают дыбом от статического электричества, висящего в воздухе. Это был не просто воздух — это была среда обитания Роя. Рой не мог просто так оставить этот стратегически важный город. Ткач всегда охранял свои владения, он не терпел чужаков в своей экосистеме. Ощущение чужого, немигающего, тяжелого взгляда физически сверлило мой затылок. Казалось, что пустые, выбитые окна небоскребов — это тысячи слепых глаз, которые внимательно наблюдают за каждым нашим шагом, оценивая нашу слабость, вычисляя дистанцию, готовясь к прыжку.

Мы петляли между баррикадами, сложенными из мешков с песком и перевернутых полицейских машин. На некоторых автомобилях всё еще виднелись бурые, засохшие отпечатки кровавых ладоней — людей, которые до последнего пытались выбраться из этого ада. Тишина давила на барабанные перепонки. Мы шли уже около сорока минут, но не встретили ни одного даже самого мелкого падальщика. Ни одной крысы, ни одной бродячей собаки, ни одного насекомого. Абсолютная, стерильная пустота. Это нарушало все законы поведения Роя, которые мы изучили за прошедший год. Обычно биомасса привлекала вокруг се-

бя целые рои мелких симбионтов, которые доедали остатки, но здесь не было ничего. Это означало только одно — здесь хозяин. И хозяин не хочет, чтобы кто-то еще здесь был.

— Вы чувствуете этот запах? — тихо спросил Коля, останавливаясь возле развороченного бронетранспортера, который когда-то, возможно, пытался прорвать оцепление. — Пахнет не просто гнилью. Пахнет аммиаком и жженым сахаром. Как в улье, который мы жгли под Новгородом.

Рауль подошел к стене ближайшего здания и концом своего мачете отковырнул кусок серой субстанции, покрывавшей кирпичную кладку. Под ней обнажилась пульсирующая фиолетовая вена толщиной с человеческую руку. Из раны на стене тут же брызнула едкая кислотная слизь, зашипев на асфальте. Рауль отпрянул, инстинктивно закрыв лицо.

— Они здесь, — процедил испанец, вытирая лезвие о штанину мертвого солдата, лежавшего рядом. — Они повсюду. Город не пустой, Джон. Город спит. И мы только что начали стучать в его двери. Нам нужно уходить с открытого пространства, иначе нас раздавят, как насекомых. Мы как муравьи на шоссе, нас просто не заметят, когда начнут давить.

Я посмотрел на карту, забитую в планшет. До Уолл-стрит оставалось пройти глубокий каньон из вы-

сотных офисных зданий. Это было идеальное место для засады, узкое горлышко бутылки. Но другого пути не было: соседние авеню были полностью погребены под обрушившимися зданиями — результатом орбитальной бомбардировки в первые дни войны. Я жестом приказал отряду двигаться вперед. Мы шагнули в тень гигантских монолитов, в этот темный коридор из бетона и стали, не подозревая, что стрелка капкана уже дрогнула. Каждый наш шаг звучал как вызов. Мы были живыми в мире, который уже давно приготовил для нас место в своей утробе.

Подглава 1.3: Захлопнутая пасть

Мы успели пройти всего два длинных квартала вглубь финансового района, оказавшись в самом центре узкого, темного ущелья между зеркальными высотками. Солнечный свет сюда почти не проникал, уступая место вечным, холодным сумеркам, которые даже днем казались густыми и осязаемыми. Именно тогда сработала ловушка, спланированная с дьявольской, нечеловеческой хитростью. Сначала мы услышали не рык, не визг атакующей орды, а странный, влажный, рвущийся хруст. Звук был таким, словно гигантская невидимая рука ломала тысячи сырых, толстых веток одновременно. Я резко поднял голову, инстинктивно вскидывая пулемет, и обомлел от ужаса: стены зданий, которые казались нам просто покры-

тыми неподвижной серой пылью и пеплом, вдруг зашевелились по всей высоте.

Биомасса на фасадах начала с мерзким чавканьем рваться. Огромные коконы, мастерски замаскированные под архитектурные выступы, лопнули, и оттуда, как гной из вскрытых ран, посыпались десятки, а затем и сотни адаптантов. Они цеплялись за стекло и бетон своими когтями, скользя вниз с пугающей, грациозной скоростью, словно гигантские, бледные пауки, спускающиеся на свою добычу.

— Контакт! Сверху! Они на стенах! — заорал я во всю мощь легких, срывая голос, и тут же нажал на спусковой крючок. Мой ПКМ зарычал, выплевывая длинную очередь трассирующих пуль, которые яркими пунктирами вонзились в падающую с небес массу. Несколько тварей сорвались вниз, разбившись об асфальт, но на их место тут же лезли новые. Они падали, как снег, но этот снег был живым и жаждущим крови.

В ту же секунду, словно по команде единого разума, асфальт прямо впереди нас вздыбился. Канализационные люки вылетели в воздух, как пробки от шампанского, подброшенные чудовищным давлением снизу. Из разверзшихся подземных коммуникаций хлынула плотная, визжащая волна слепых, склизких тварей. Это была идеальная, математически выверенная засада. Нас зажали в глухую коробку, лишив лю-

бого пути к отступлению. Мы оказались в центре воронки.

— К стене! Спина к спине, живо! — скомандовал Коля, перекрывая грохот выстрелов. Он шагнул вперед, широко расставив ноги, и нажал на гашетку своего огнемета. Тяжелая струя напалма с оглушительным гулом лизнула улицу, превратив первую волну вылезших из-под земли мутантов в корчащиеся, истошно визжащие факелы. Запах жареного мяса и паленой хитиновой брони ударил в нос, пробиваясь даже через фильтры. Но огонь их не остановил. Твари не знали страха, у них не было инстинкта самосохранения, они просто давили нас своей бесконечной массой, карабкаясь по горящим телам своих сородичей, чтобы добраться до наших глоток.

Рауль, оказавшийся на самом острие атаки, расстрелял весь боезапас своего дробовика за секунды. Он отбросил бесполезное оружие, выхватил тяжелое мачете и с жутким, первобытным рыком срубил голову твари, которая попыталась прыгнуть на него с крыши брошенного фургона. Черная кровь брызнула ему на визор шлема, ослепляя, но он продолжал махать лезвием, отсекая конечности. Я стрелял непрерывно, водя стволом из стороны в сторону, пока металл моего ПКМ не раскалился докрасна, обжигая руки сквозь тактические перчатки. Каждая секунда

— это новый враг. Каждый выстрел — минус один шанс выжить. Патроны таяли с пугающей скоростью. Я чувствовал, как отдача выбивает плечо, а уши закладывает от непрекращающегося грохота и визга.

Мы были заперты в этом бетонном мешке, кольцо тварей сжималось, а воздух наполнился удушливым дымом, визгом и лязгом когтей по асфальту. Это был не просто бой, это было уничтожение. Мы тонули в этом море чудовищ, и я знал, что если не произойдет чуда, мы станем лишь частью этой серой биомассы. Каждый наш выпад, каждое движение ножом давались с таким трудом, словно мы боролись с самой гравитацией, которая тянула нас вниз, в объятия Роя.

Подглава 1.4: Небесный удар

— У меня пустой! Я пустой, черт возьми! — истерично крикнул Сэм, отступая на шаг назад и с размаху отбиваясь от прыгнувшего адаптанта тяжелым прикладом своей снайперской винтовки. Хруст черепа мутанта потонул в общем хаосе боя. Я бросил быстрый взгляд на счетчик ленты своего пулемета. Оставалось меньше тридцати патронов. Это была смерть. Я видел это в глазах Коли, который, отбросив пустой огнемет, выхватил нож и вступил в неравную схватку с двумя бронированными адаптантами. Его движения были быстрыми, но усталость уже брала свое — он начал пропускать удары. Это был абсолютный

конец. Мы прошли половину земного шара, выжили в промерзшей Сибири, пересекли радиоактивные пустоши, переплыли океан, лишь для того, чтобы бесславно умереть в первые же десять минут в нашем родном Нью-Йорке.

Тварь с гипертрофированными, похожими на серпы когтями оттолкнулась от капота желтого такси и в гигантском прыжке полетела прямо на меня, широко раскрыв пасть, усеянную бритвенно-острыми клыками. Я инстинктивно приготовился принять удар ножом, понимая, что не успею поднять пулемет. Время словно замедлилось, превратившись в вязкую смолу. Я видел каждую каплю слюны, летящую из её пасти, я видел, как сокращаются её мышцы. И вдруг, за долю секунды до того, как когти вонзились в мою грудь, голова твари просто исчезла, взорвавшись фонтаном густой черной крови и костной крошки. Безголовое тело по инерции врезалось в меня, сбив с ног и придавив своим весом. Только спустя мгновение, когда я уже лежал на асфальте, пытаясь выбраться из-под туши, до нас долетел раскатистый, громовой звук выстрела из крупнокалиберной винтовки, эхом отразившийся от стен небоскребов.

Затем небеса буквально обрушились на Рой. С крыши соседнего массивного здания старого банка полетели десятки цилиндров. Светошумовые грана-

ты детонировали одна за другой с ослепительными вспышками и оглушительным грохотом. Многократные взрывы ослепили адаптантов, заставив тварей дезориентированно заверещать, хвататься за головы и хаотично бросаться друг на друга в панике. По прочным нейлоновым тросам, внезапно сброшенным с пожарных лестниц, вниз стремительно скользнули тени. Это были люди. Живые люди.

Закованные в тяжелую, нелепую, но практичную самодельную броню из вырезанных автомобильных покрышек, кевлара, стальных пластин и хоккейных щитков, они работали с пугающей, механической слаженностью элитного спецназа. Заработали автоматы, оснащенные самодельными, массивными глушителями, хирургически точно отсекая огнем мутантов от нашей распластанной группы.

— Сюда! Живо, мать вашу, пока они ослеплены! — рявкнул один из спасителей, приземляясь на крышу машины и забрасывая густую дымовую шашку прямо в копошащуюся толпу адаптантов. Белый фосфорный дым мгновенно скрыл улицу, создав завесу, через которую мутанты не могли видеть. Мы не заставили просить себя дважды. Подгоняемые инстинктом выживания, под прикрытием плотного дыма и шквального перекрестного огня сверху, мы прорвались через разорванное кольцо мутантов. Рауль подхватил

меня под руку, и мы вместе нырнули в разбитые, массивные стеклянные двери банка. Бойцы неизвестного отряда ввалились следом, на ходу устанавливая на дверных косяках лазерные мины направленного действия. Едва последний человек оказался внутри, раздался оглушительный, глухой взрыв, обваливший каменный козырек здания и наглухо заваливший вход многотонными кусками бетона и арматуры. Мы оказались в полной, абсолютной темноте спасительного холла. Гневный вой Роя снаружи стал глухим и отдаленным. Мы были живы.

Подглава 1.5: Призрак Бруклинского моста

Я тяжело осел на холодный, покрытый толстым слоем многолетней пыли мраморный пол банковского холла, жадно хватая воздух через фильтр противогаза. Мои легкие горели огнем, а сердце колотилось где-то в горле, норовя пробить грудную клетку. Справа от меня тяжело дышал Коля, а Рауль просто сполз по стене, прикрыв глаза и тихо шепча благодарственную молитву Деве Марии на родном языке. Мы были живы. Вопреки всякой логике, математике и теории вероятности — мы пережили эту бойню.

В темноте холла замелькали узкие лучи тактических фонарей с красными светофильтрами. Бойцы отряда спасителей рассредоточились по огромному залу, занимая оборонительные позиции у оконных

проемов и лестничных маршей, двигаясь бесшумно, как призраки. Никто не проронил ни слова, дисциплина в этом подразделении была железной. От группы отделилась высокая, широкоплечая фигура и медленно направилась в нашу сторону. Это был их командир. На нем был надет тяжелый, армейский тактический бронежилет, до неузнаваемости истерзанный глубокими царапинами от когтей мутантов, а голову полностью скрывал глухой штурмовой шлем с интегрированным противогазом и непроницаемо-черными тонированными линзами. За его спиной, на тактическом ремне, висела сильно потертая, замотанная маскировочной лентой мощная снайперская винтовка.

Лидер молча остановился в трех шагах от нас. Луч его наплечного фонаря скользнул по нашим лицам, всё еще скрытым масками. Он стоял неподвижно пару долгих, напряженных секунд, словно не веря своим глазам, а затем его руки в кевларовых перчатках медленно потянулись к застежкам на затылке. С тихим, шипящим звуком стравливаемого воздуха он отстегнул крепления, стянул тяжелый противогаз и сбросил с головы плотный тактический капюшон, позволяя красноватому свету фонарей осветить его лицо.

Я замер. Воздух мгновенно застрял в пересохшем горле. Сердце, только что бешено стучавшее, пропустило удар и, казалось, остановилось вовсе. Я попы-

тался моргнуть, надеясь, что это галлюцинация, вызванная кислородным голоданием или воздействием газов Роя, но видение никуда не исчезло. Передо мной стоял человек, чью ужасающую, героическую смерть я видел своими собственными глазами здесь, дома. На проклятом Бруклинском мосту, много месяцев назад, когда мы отчаянно пытались вырваться из гибнущего, пожираемого заживо Нью-Йорка, чтобы сесть на последний корабль в Россию. Мы оставили его там, добровольно прикрывающего наш отход, в полном окружении сотен кровожадных тварей, потому что у нас не было иного выбора. Я бесчисленное количество раз прокручивал этот страшный момент в своих худших кошмарах, обвиняя себя в его гибели. А теперь он стоял передо мной во плоти.

Его лицо сильно изменилось. Оно осунулось, обветрилось, щеку пересекал свежий, глубокий и уродливый шрам от рваной раны, а в когда-то темных волосах появилась густая, пепельная седина. Глаза стали жесткими, холодными, как у волка, пережившего суровую зиму, в них больше не было той беззаботной искры, которую я помнил. Но это, без малейшего сомнения, был он. Наш брат по оружию.

Чак.

Он оглядел нашу ошарашенную, замершую от шока четверку, и уголки его губ дрогнули, складываясь

в кривую, усталую ухмылку. Он опустил винтовку и слегка наклонил голову набок, изучая нас.

— Выглядите так, будто призрака увидели, парни, — произнес он хриплым, сорванным голосом, который я боялся больше никогда не услышать. — Добро пожаловать домой. Вы чертовски опоздали к ужину.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. В этот момент я понял: этот мир, который мы считали мертвым, скрывает в себе столько тайн, что нам, возможно, не хватит жизни, чтобы их разгадать. Чак был жив. И если он выжил там, на мосту, значит, правила игры изменились. Мы не просто вернулись домой. Мы вернулись в войну, которую, как мы думали, проиграли давным-давно. И эта война теперь обрела совершенно новый, пугающий масштаб. Мы были в начале пути, но с Чаком рядом этот путь становился немного менее темным. Я медленно поднялся на ноги, чувствуя, как дрожь в руках сменяется стальной решимостью. Мы здесь. Мы вернулись. И теперь Рою придется очень плохо.

Это серьёзная задача, Евгений. Чтобы добиться такого объема, я максимально углублюсь в психологию героев, опишу каждый нюанс их окружения, каждый звук, запах и ощущение, а также расширю диалоги, чтобы они звучали как живые, тяжелые разговоры людей, прошедших через ад. Мы не просто переска-

зываем события, мы проживаем каждую минуту этого спуска во тьму и этого странного обретения дома.

Вот Глава 2, расширенная и проработанная до мельчайших деталей.

Глава 2: Подземный бастион

Подглава 2.1: Воскрешение из мертвых

Слова Чака эхом отскочили от высоких мраморных сводов заброшенного банка, повиснув в пыльном, пропитанном запахом пороха воздухе. На несколько долгих, невыносимых секунд время в холле, казалось, полностью остановилось, замерло, как застывший механизм. Я физически чувствовал, как в моей голове ломаются шестеренки логики, пытаясь совместить несовместимое: воспоминания о залитом кровью, пылающем Бруклинском мосту, где каждое слово было прощальным, и фигуру живого, дышащего человека, стоящего сейчас передо мной. Это было больно. Это было настолько сюрреалистично, что мозг отказывался верить глазам, подозревая галлюцинацию, вызванную шоком или газами Роя.

Сэм отмер первым. Он издал нечленораздельный, хриплый звук, похожий на рычание раненого зверя, бросил свою тяжелую винтовку прямо на пол, и её грохот показался мне звуком выстрела в тишине. Сделав два широких, неуклюжих шага, он сгреб Чака в медвежьи объятия. Раздался глухой, резкий стук сталки-

вающихся кевларовых пластин их бронежилетов. Сэм вцепился в него так, словно боялся, что этот призрак сейчас растворится в воздухе, рассыплется пеплом, как всё остальное в этом городе. Я видел, как напряглись мышцы на шее Сэма, как он побелел, едва ли не до боли сжимая плечи своего друга.

Рауль, чье лицо под толстым слоем копоти и засохшей крови стало совершенно бледным, медленно перекрестился дрожащей рукой, тихо бормоча на испанском смесь ругательств и молитв. Для него, глубоко верующего человека, это было сродни чуду, но чуду пугающему, почти кощунственному. Я же просто стоял, не в силах сдвинуться с места, мои ноги словно прикипели к мраморному полу. Чувство вины, которое грызло меня изнутри каждый божий день с того самого момента, как мы отчалили от берегов Нью-Йорка, которое я носил с собой через всю Россию, через каждый тоннель и каждую битву, внезапно сменилось оглушительным, накрывающим с головой облегчением. Оно было настолько сильным, что мне стало трудно дышать. Мои колени предательски дрогнули, и я лишь чудом удержался на ногах.

Чак, тяжело похлопав Сэма по спине — этот жест был таким же, каким я помнил его годами — высвободился из объятий и сделал шаг ко мне. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, с тем самым жутким

шрамом, который теперь украшал его левую щеку, выражало ту самую суровую, отцовскую теплоту, которую мы все так хорошо помнили в те времена, когда были еще обычными солдатами. Он протянул руку в грубой перчатке с обрезанными пальцами, намертво сжал мое плечо, и я почувствовал через ткань куртки его железную хватку.

— Ты постарел, Джон, — тихо произнес он мне на ухо, и в его голосе проскользнула нотка того старого, доброго Чака. — И воняешь так, будто прополз через выгребную яму. Но, черт возьми, как же я рад видеть ваши уродливые лица. Я уже начал думать, что буду встречать вас с того света.

— Мы думали, ты мертв, Чак, — мой голос предательски сорвался, выдавая накопившееся напряжение, которое я так долго сдерживал. — Мы видели, как твари прорвали баррикаду. Тот взрыв… Мы видели огонь. Мы думали, что всё кончено. Я каждый день проклинал себя за то, что отдал тот приказ об отходе. Я оставил тебя там. Я...

Чак резко отстранился, и его глаза снова стали жесткими, как сталь. Он прервал меня коротким взмахом руки, не давая договорить.

— Отставить сопли, командир! — его голос стал резким, командным. — Вы сделали то, что должны были. Если бы вы остались, мы бы все легли на

том мосту, и отряд был бы уничтожен. Ты принял единственно верное решение. Ты спас людей. А теперь... слушайте меня внимательно. У нас нет времени на сентиментальные разглагольствования. У нас не больше десяти минут, прежде чем эти ублюдки прогрызут завал. Рой — это не просто толпа, это организованный механизм. Как только они поймут, что мы здесь, они навалятся всей массой. Трогаемся. Идем на нижние уровни. Там нас ждет «экспресс» до дома. Снаряжение не бросать, оружие наизготовку. Добро пожаловать на мою территорию, парни. Пошли!

Подглава 2.2: Спуск во тьму катакомб

Мы двинулись вглубь банковского комплекса, ориентируясь только на узкие, дрожащие лучи тактических фонарей, которые прорезали густую тьму. Чак вел нас уверенно, не глядя под ноги, словно этот лабиринт был для него родным домом. Мы проходили мимо вскрытых банкоматов, чьи мониторы были разбиты, мимо разбросанных пачек обесценившихся стодолларовых купюр, которые теперь годились разве что на растопку, и высохших луж крови, превратившихся в черные пятна на полу. Его отряд двигался с потрясающей эффективностью: двое шли в авангарде, проверяя углы, остальные прикрывали наш тыл, на ходу расставляя растяжки из рыболовной лески и осколочных гранат. Каждое их движение было выве-

рено, каждая секунда — использована с умом.

Мы подошли к шахте грузового лифта. Двери были грубо, но надежно раздвинуты и зафиксированы ломами. Из черной, бездонной пасти тянуло ледяным сквозняком, запахом машинного масла, озона и застоялой, затхлой воды. Это была глубина, которой инстинктивно боялся любой нормальный человек.

Один из бойцов Чака ловко закрепил на толстой стальной балке мощный альпинистский карабин и сбросил вниз моток черного кевларового троса. Я стоял у края, глядя в темноту, и меня охватило странное дежавю. Это был тот же мрак, что сопровождал нас в Москве, но здесь он казался… другим. Более личным.

— Как ты выбрался с моста? — спросил я Чака, пока мы встегивали карабины в страховочные системы. Мои руки дрожали, и я никак не мог попасть в прорезь карабина. — Как ты вообще выжил в той мясорубке?

Чак, не отрываясь от осмотра снаряжения, хмыкнул. Он выглядел спокойным, почти расслабленным, что было самым пугающим во всей этой ситуации.

— Гравитация и чертовски холодная вода, — усмехнулся он, проверяя крепление моего троса. — Когда адаптанты прорвали периметр, я понял, что шансов нет. Я взорвал грузовик с топливом. Взрывная волна сбросила меня прямо в Ист-Ривер. Ты знаешь, какая там вода? Она ледяная. Она выбивает дух. Я сло-

мал два ребра и чуть не захлебнулся, пока плыл до Бруклинского берега под водой, чтобы твари меня не заметили. Течение вынесло меня к канализационному коллектору. А дальше… дальше я просто не сдавался. Я полз по этим трубам, ел крыс, пил дождевую воду. Я знал, что я нужен своим. И я не сдавался. Пошел вниз!

Мы заскользили во тьму шахты. Это было похоже на падение в бездну. Вокруг только бетонные стены и свист ветра. Спуск занял несколько минут, но они показались мне вечностью. Когда наши ноги наконец коснулись твердого, покрытого ржавой, склизкой водой бетонного пола, мы оказались в техническом туннеле, который уходил далеко за пределы банковского фундамента. Это был скрытый кровеносный сосуд города, о котором знали лишь диггеры и инженеры старого мира.

Чак включил настенный рубильник, и под потолком с мерзким, дребезжащим гудением зажглись тусклые, красные аварийные лампы. Они залили туннель кровавым, пульсирующим светом. Мы шли по колено в ледяной воде, стараясь не шуметь. Вода хлюпала, каждый шаг отдавался эхом. Чак рассказывал, что весь этот район под землей теперь превращен в одну сплошную минную ленту.

— Смотрите под ноги. И на стены. И на потолок, — предупредил он, перешагивая через натянутую, почти

невидимую проволоку. — Рой пытается копать, но мы минируем каждый пробитый ими ход. Здесь установлены газовые баллоны с зажигательной смесью, самострелы из арматуры, лазерные датчики. Этот город мертв наверху, но внизу он огрызается. Мы превратили канализацию и метро в смертельный лабиринт. Ткач потерял здесь уже тысячи своих солдат, и теперь он боится лезть глубоко. Они думают, что это просто дыры в земле, а это кладбище для их элиты.

Слова Чака внушали благоговейный трепет. Один человек, потерявший всё, смог организовать под землей сопротивление такого масштаба. Мы шли по этим мрачным коридорам больше часа. Звуки погони давно стихли где-то наверху, поглощенные толщей бетона. Наконец, воздух начал меняться. Пропал запах сырости и гнили, уступив место запаху дыма от костров, жареной пищи и множества человеческих тел. Впереди, за тяжелыми, укрепленными гермодверями, забрезжил теплый, желтый свет.

Подглава 2.3: Город под городом

Двое дозорных, вооруженных тяжелыми, самодельными арбалетами, узнали Чака и с натужным, лязгающим скрежетом отодвинули массивный стальной засов, открывая перед нами гермодверь. Мы шагнули внутрь, и я невольно задержал дыхание от открывшейся картины. Это была станция Фултон-стрит

— один из крупнейших пересадочных узлов нью-йоркского метрополитена, который теперь превратился во впечатляющий подземный бастион. Платформы, рельсовые пути и переходы были полностью преображены. Это была не просто временная стоянка выживших, это был полноценный, дышащий жизнью подземный город, бросивший вызов апокалипсису.

Под высокими сводами станции были натянуты десятки брезентовых тентов и военных палаток. Между мраморными колоннами горели костры в металлических бочках, вокруг которых сидели, греясь, люди. Их были сотни. Мужчины, женщины, старики. Я увидел то, чего мы не встречали в разрушенной России уже очень давно — детей. Настоящих детей, которые не прятались по углам с безумными, затравленными глазами, а играли с какими-то деревянными игрушками прямо на перроне, под присмотром вооруженных часовых. Вся станция была опутана густой паутиной проводов, тянущихся от самодельных генераторов. Генераторы, собранные из автомобильных двигателей, тракторных моторов и деталей стиральных машин, мерно тарахтели в боковых туннелях, обеспечивая лагерь электричеством и питая мощные вентиляционные установки, которые с гулом прогоняли воздух через самодельные угольные фильтры, очищая его от газов Роя.

Здесь кипела суровая, но настоящая жизнь. В одном углу станции расположился импровизированный госпиталь, огороженный белыми, местами посеревшими от времени простынями. Я видел врачей, которые, не имея медикаментов, использовали народные средства и травяные настои. В другом кузнецы, стуча молотками, перековывали рессоры брошенных автомобилей на мачете и наконечники для стрел. Мы шли сквозь этот лагерь, и люди расступались перед нами. Они смотрели на нас с настороженным любопытством, но в их взглядах не было затравленного ужаса жертвы. Это были глаза тех, кто принял новые правила игры и отказался умирать.

— Вы собрали их всех? — тихо спросил Коля, завороженно оглядывая масштабы станции. Его огнемет за спиной, который казался единственным спасением снаружи, здесь выглядел чем-то лишним в этом святилище жизни.

— Тех, кого смогли найти и вытащить из-под обломков после вашего ухода, — ответил Чак с нескрываемой гордостью в голосе, поправляя свой шлем. — Когда правительство пало за два дня, а военные превратились в корм для Роя, людям было некуда идти. Они метались по улицам, как слепые котята, прямо в лапы тварям. Мои парни... мы просто начали спускать их вниз. Мы стали их щитом. За год мы объединили

несколько разрозненных групп, зачистили эту ветку от мутантов, забаррикадировались и начали строить. Мы не просто выжили, мы создали дом.

Мы подошли к центральной части платформы. Здесь, за высокой баррикадой из мешков с цементом и стальных прутьев, располагался командный пункт, обустроенный в бывшей диспетчерской. Вокруг него стояли самые тяжело вооруженные бойцы. Чак жестом приказал нам следовать за ним за баррикаду. Я чувствовал, как с каждой секундой напряжение покидает мое тело, уступая место невероятной, свинцовой усталости. Это место было убежищем. Настоящим убежищем.

Подглава 2.4: Ради чего мы живем

Едва мы перешагнули порог диспетчерской, навстречу нам метнулась женская фигура. Это была женщина лет сорока, чье лицо носило глубокие следы хронического недосыпания и постоянного стресса, но её глаза сияли ярче любого генератора на этой станции. Она буквально бросилась Чаку на шею, уткнувшись лицом в его грязный, пробитый осколками бронежилет. Чак обнял ее своими здоровыми руками, закрыв глаза, и на мгновение этот суровый, покрытый шрамами командир превратился просто в уставшего мужа, вернувшегося домой с тяжелой смены. Это была сцена, которую я не ожидал увидеть в этом мире —

любовь, которая продолжала жить, несмотря на всё то дерьмо, которое нас окружало.

— Ты опоздал, — прошептала она, не выпуская его из объятий. — Я уже думала, что в этот раз...

— Я же обещал, Сара, — тихо ответил он, целуя ее в макушку. — Я всегда возвращаюсь. Тем более, я привел гостей. Тех самых, о которых я тебе рассказывал.

Сара отстранилась и повернулась к нам. В следующее мгновение из-за брезентовой ширмы в глубине комнаты вышли двое подростков — мальчик лет пятнадцати с винтовкой за плечом и девочка чуть помладше. Они замерли, глядя на нас во все глаза. В их взглядах было столько боли и столько мудрости, которой не должно быть у детей, что мне стало не по себе.

Это была его семья. Те самые люди, ради которых Чак когда-то добровольно остался на Бруклинском мосту, понимая, что шансов выжить у него нет. Он пожертвовал собой, чтобы дать им время спуститься в метро, пока мы уводили основную массу тварей. И теперь они стояли здесь. Живые, закаленные этим новым миром, но всё еще вместе.

— Боже мой, — выдохнул Сэм, снимая с головы шлем. — Они живы. Ты спас их, черт бы тебя побрал, Чак. Ты спас их всех.

— Мы спасли друг друга, Сэм, — Чак обернулся к нам, и в его глазах блеснули слезы, которых он даже не

пытался скрыть. — Если бы не Сара и дети, я бы пустил себе пулю в лоб еще в том канализационном коллекторе. Они — единственная причина, по которой я каждое утро надеваю броню и иду наверх, в эту мясорубку. Я живу ради них. А они живут ради меня. Это и есть наш бастион.

Сара подошла ко мне и, неожиданно для меня самого, крепко обняла. От нее пахло мылом и дымом — запах, который казался мне самым прекрасным ароматом в мире.

— Чак рассказывал, что вы не хотели оставлять его, — сказала она с теплой улыбкой, в которой сквозила искренняя благодарность. — Спасибо вам, что пытались. И спасибо, что вернулись. Для него вы — братья. А значит, и для нас.

Я почувствовал, как ком подступает к горлу. Мы привыкли видеть смерть, мутации, разлагающиеся трупы и предательство. За этот год мы почти забыли, как выглядит обычная человеческая привязанность и любовь. Этот маленький островок семейного тепла посреди подземного ада Нью-Йорка ударил по моим нервам сильнее, чем любой мутант. Это было напоминание о том, ради чего вообще стоило продолжать эту безнадежную войну. Мы не просто выживали — мы защищали то самое, что делало нас людьми.

Подглава 2.5: Передышка перед бурей

Когда первые эмоции немного улеглись, Чак приказал своим людям организовать усиленные патрули на верхних уровнях, а нас пригласил за большой, сколоченный из деревянных поддонов стол в центре диспетчерской. Только сейчас, сняв тяжелые рюкзаки, отстегнув разгрузочные жилеты и положив оружие на стол, мы осознали, насколько сильно вымотаны. Мы не спали нормально уже двое суток, питаясь только адреналином и сухими стимуляторами.

Сара молча поставила перед нами несколько алюминиевых кружек с горячим чаем, заваренным на каких-то высушенных травах, и глубокую миску с разогретыми консервами. Еда пахла божественно. Мы набросились на нее с жадностью диких зверей, обжигаясь, но не в силах остановиться. Чак сидел напротив, сжимая в руках свою кружку, и внимательно, изучающе смотрел на каждого из нас. Он подмечал всё: новые шрамы на лице Рауля, седину на висках Коли, мой пустой, потухший взгляд, который появляется только у людей, видевших слишком много дерьма.

— Вы изменились, парни, — наконец произнес он, нарушив тишину, прерываемую лишь стуком наших ложек о металл. — Сильно. Вы уезжали отсюда как кучка напуганных, отчаянных солдат, которые просто пытались сбежать от смерти. А вернулись как… как будто вы принесли смерть с собой. Вы двигаетесь ина-

че. Вы убиваете иначе. Тот бой наверху — вы действовали как слаженная машина.

Я отодвинул пустую миску и сделал большой глоток горячего чая. Тепло разлилось по пищеводу, немного успокаивая расшатанные нервы.

— Нам пришлось измениться, Чак, — тихо ответил я, глядя ему прямо в глаза. — То, что мы увидели там, за океаном… Нью-Йорк — это только вершина айсберга. Мы думали, что Рой — это просто вирус, биологическая аномалия. Но это не так. Мы были в самом сердце этой заразы. В Москве мы спустились в такие глубины ада, которые тебе даже не снились. Мы видели, как они строят свои миры, как они поглощают целые измерения.

— И именно поэтому вы проделали путь обратно? — Чак подался вперед, скрестив руки на груди. Его лицо стало серьезным. — В город, который кишит Ткачами и новыми тварями? Зачем, Джон? Зачем вы вернулись в этот гроб?

Мы с Сэмом переглянулись. Пришло время раскрыть карты. Пришло время рассказать им правду о коллайдере, о порталах, о профессоре Зимине и о том, что эта война только начинается. Это был не просто визит вежливости. Это было начало конца для Ткача.

— Мы вернулись не умирать, Чак, — сказал я, доставая из внутреннего кармана герметичный пакет с

флешкой, на которой хранились все исследования Бурова. — Мы вернулись, чтобы выиграть эту войну. Мы узнали, как они перемещаются, как они управляют своими узлами. Мы вернулись, чтобы ударить по их «Материнскому узлу». И нам понадобится твоя армия, чтобы сделать это. Садись поудобнее, старина. Это будет очень долгая история, и после нее у тебя не останется сомнений, что Рой — это не просто угроза. Это приговор всему человечеству. И пришло время его отменить.

Чак взял флешку, повертел её в руках и посмотрел на нас так, как смотрят на людей, которые только что объявили войну самому дьяволу.

— Ну что ж, — сказал он, убирая флешку в карман. — Значит, будем воевать. Но сначала — сон. Всем спать. Мы должны быть в форме, когда начнем планировать этот ваш «последний удар».

Я лег на койку, чувствуя, как мягкость матраса проваливает меня в забытье. Мы были дома. Мы были с Чаком. И завтра… завтра всё изменится. Я закрыл глаза, зная, что, возможно, это был последний спокойный сон перед настоящим апокалипсисом. Но я был готов. Мы были готовы. Мы — те, кто выжил. И мы пришли забрать наш мир обратно. Теперь я спал, и мне не снились кошмары. Мне снилось, как мы побеждаем.

Это будет подробная, развернутая глава, в которой мы углубимся в психологию наших героев, в детали того, как устроен их быт, и в осознание того, во что превратился мир. Объем будет соответствовать твоему требованию — более 2500 слов.

Глава 3: Исповедь во тьме

Подглава 3.1: Откровения из Бездны

Диспетчерская погрузилась в тяжелую, вязкую тишину. Она была такой плотной, что казалось, будто воздух в помещении стал густым, как патока. Единственными звуками были приглушенный, ритмичный гул мощных вентиляторов где-то в глубине туннелей и далекое, едва различимое эхо голосов людей с платформы, которые продолжали свою рутинную, смертельно опасную работу по укреплению периметра. Я положил черную флешку на исцарапанную, покрытую следами от ожогов и въевшейся грязи поверхность стола. Она казалась крошечной, совершенно незначительной деталью в масштабах этого умирающего мира, но именно в этом куске пластика и кремния заключался ответ на вопрос, который мучил нас последние годы: почему человечество оказалось на краю бездны.

Мы сидели вокруг стола — я, Сэм, Коля, Рауль и Чак. Мы были измотаны до предела, наши лица представляли собой маски из копоти, пота и запекшейся

крови, но никто не спешил уходить. История, которую мы начали рассказывать, требовала быть выслушанной до конца. Мы говорили по очереди, перебивая друг друга, возвращаясь назад, чтобы прояснить детали, которые казались нам тогда неважными, а теперь обрели смысл.

Мы рассказывали Чаку всё. Мы говорили о заснеженных руинах России, где мороз был страшнее любого монстра. Мы рассказывали о мутантах, которые не просто убивали ради голода, а адаптировались к экстремальному холоду, меняя свою физиологию, становясь быстрее, опаснее, умнее. Мы рассказывали о безумных культах, возникших на руинах цивилизации, где люди, потеряв всякую надежду, начинали поклоняться самой смерти, принося в жертву своих собратьев в надежде на милость Роя. Мы видели вещи, которые выжигали в памяти дыры, и сейчас, пересказывая их, я чувствовал, как эти воспоминания снова кусают меня за сердце.

Но самое главное — мы рассказали ему о профессоре Зимине и майоре Викторе Бурове. Мы раскрыли карты. Мы рассказали, что Рой — это не космическая инфекция, не метеорит и не сбежавший из секретной лаборатории вирус. Это последствия чудовищной, катастрофической ошибки, допущенной человеком, который решил, что может играть с фундаментальными

законами мироздания.

— Коллайдер «АИД», — медленно, по слогам произнес Чак. Он сидел, откинувшись на спинку своего скрипучего, расшатанного кресла, и смотрел куда-то сквозь нас, в пустоту. Он потер переносицу пальцами, испачканными в оружейной смазке и дорожной пыли. — То есть вы хотите сказать, что кучка яйцеголовых ученых в своих попытках найти бесконечный, чистый источник энергии для всего мира просто… проковыряла дыру в другое измерение? И из-за их любопытства на нас вывалилось вот это всё?

— Не просто проковыряла, а распахнула настежь, — мрачно кивнул Сэм, крутя в руках пустую алюминиевую кружку, глядя на неё так, будто внутри были все ответы. — Зимин называл это «эффектом сообщающихся сосудов». Они думали, что другое измерение — это лишь пустое пространство, наполненное чистой энергией. Они ошибались. Это была экосистема. Целая, невероятно сложная, агрессивная экосистема. Ткач, эти новые «Эхо», адаптанты — они не пришельцы в нашем понимании. Они — иммунная система того мира, куда мы влезли. Мы для них — вирус, который они пришли уничтожить, чтобы обезопасить свой собственный организм. А биомасса, которую они разбрасывают везде — это их способ терраформировать нашу планету под свои условия. Они не захваты-

вают нас, Чак. Они нас перерабатывают.

Чак долго молчал. В холле диспетчерской было слышно, как где-то капает вода — медленно, монотонно, отсчитывая секунды нашей жизни. В его глазах отражалась невероятная, чудовищная тяжесть этого осознания. Вся его борьба за выживание, все эти баррикады из мешков с песком, все минные поля, все жертвы — всё это вдруг показалось бессмысленным ковырянием в песочнице на фоне истинных масштабов катастрофы. Мы сражались с симптомами, не понимая, что болеет сам мир.

— И вы притащились обратно, — наконец сказал он, криво усмехнувшись, хотя в этой усмешке было больше боли, чем радости. — Через весь гребаный океан. Через полмира, кишащего тварями. Чтобы что? Найти тот самый «рубильник» и выключить свет? Вы думаете, что если найдете этого Зимина или кого там еще, то всё просто вернется в норму?

— Чтобы собрать армию, — твердо ответил я, глядя ему прямо в глаза. Я чувствовал, как во мне просыпается та самая решимость, которой мне не хватало в Москве. — Буров остался там, в самой гуще, в Москве. Он гений, Чак. Он понял, как работает их портальная сеть. Он увидел уязвимость в их «иммунитете». Если мы сможем продержаться, если сможем зачистить плацдарм здесь, в Нью-Йорке, и наладить связь… Бу-

ров сможет открыть стабильный мост. Он приведет сюда войска. Не просто кучку выживших с арбалетами, а настоящую, тяжелую армию. Но для этого нам нужно объединить город и подготовить зону высадки. Нью-Йорк — это их главный узел на этом континенте. Если мы выбьем их отсюда, мы перережем им артерию.

Чак снова замолчал, но теперь в его взгляде была не горечь, а холодный расчет военного. Он начал просчитывать варианты.

Подглава 3.2: Турбо-генератор и армейский юмор

Напряжение в комнате стало настолько плотным, что его, казалось, можно было резать ножом. Мы все чувствовали, что переходим некую черту. Откровения Сэма были слишком тяжелыми для восприятия, и нам всем нужно было передохнуть, переварить эту информацию. Рауль, почувствовав, что мы слишком глубоко погрузились в экзистенциальный мрак, решил разрядить обстановку в своем фирменном, слегка безумном стиле.

— Слушайте, амигос, спасение миров — это, конечно, прекрасно, — испанец картинно потянулся, так, что его суставы хрустнули, как выстрелы. — Но я сейчас готов убить Ткача голыми руками за тарелку горячего супа, в котором не плавают куски подошвы или дохлые крысы. Чем вы тут вообще питаетесь? Как вы

сохраняете эту свою... э-э-э... атлетическую форму?

Сара, которая до этого молча слушала нас, вдруг рассмеялась — искренне, звонко, и этот звук показался мне самым прекрасным из всего, что я слышал за последний год в этом мертвом мире. — О, мы питаемся как короли, Рауль! — она махнула рукой в сторону ящиков, сложенных в углу диспетчерской. — У нас есть консервированная фасоль со вкусом жести, тушенка, которая помнит еще войну во Вьетнаме — мы называем ее «сюрприз», потому что никогда не знаешь, что внутри, — и наш особый деликатес: армейские галеты, которыми можно забивать гвозди в бетон. Если проголодаешься — угощайся. Только береги зубы, они нам еще понадобятся.

— Боже, благослови Америку, — простонал Коля, закатывая глаза к потолку, расписанному старой краской. — Я думал, мы в России ели дрянь, когда жевали сушеный мох, запивая это водой из лужи. Но ваши галеты — это оружие массового поражения. Ими можно из дробовика стрелять, эффект будет тот же.

Чак хмыкнул, поднимаясь с кресла. Его движения были плавными, экономными, как у хищника. — Зато у нас тепло и светло. Пойдемте, покажу вам наше сердце. Вы увидите, на чем держится этот подземный город.

Мы вышли из диспетчерской в примыкающий к

ней широкий технический тоннель. Там стоял оглушительный, ровный гул работающего механизма. Посреди тоннеля, окруженный хитросплетением проводов, медных трубок и ржавых труб, стоял самодельный генератор. Но это был не просто какой-то дизель, который можно купить на барахолке. Местные умельцы каким-то чудом спустили сюда блок цилиндров от рядной «шестерки» с мощного грузовика, прикрутили к нему огромную турбину от самолета и заставили это всё крутить массивный ротор. Двигатель работал на смеси очищенного спирта, какого-то биотоплива и, возможно, еще черт знает чего, исторгая из себя тепло и киловатты энергии.

— Это же… — Рауль присвистнул, подходя ближе и с восхищением глядя на конструкцию. — М50, турбированный? Вы из чего его вытащили? Это же зверь!

— Из какой-то разбитой тачки на парковке, — с гордостью сказал Чак, перекрикивая шум мотора, который, казалось, вибрировал в груди. — Наши механики расточили блок, поколдовали с впуском, выкинули всё лишнее. Работает как часы. Выдает столько дури, что мы можем осветить половину Бруклина, если захотим. Мы используем его для вентиляции, для освещения, для очистки воды. Это наше единственное спасение от темноты.

— Звучит лучше, чем музыка, — улыбнулся Рауль,

осторожно погладив горячий металл защитного кожуха. — На таких вещах и держится этот чертов мир. Пока у нас есть инженеры и чувство юмора, Рой нас не сожрет. Черт, я бы продал душу за то, чтобы покататься на этой тачке, пока она была целой.

Мы стояли возле этого грохочущего чудовища, и впервые за долгое время я почувствовал спокойствие. Здесь, под землей, среди ржавчины и оглушительного шума, люди создали что-то, что работало. Что-то, что боролось с энтропией. Это было маленькое, но очень важное доказательство того, что мы еще способны на созидание, а не только на разрушение.

Подглава 3.3: Призраки, которых мы несем

Мы вернулись за стол, и хотя шутка Рауля немного разогнала мрак, тени прошлого всё равно сидели вместе с нами. Коля достал из кармана разгрузки маленькую металлическую фляжку со спиртом, молча отвинтил крышку, сделал глубокий глоток и передал её Сэму. Тот глотнул и передал мне. Это был наш молчаливый ритуал. Ритуал по тем, кто остался в снегах, в темных туннелях метро, на дне океана, в каждом городе, который мы покидали, оставляя позади могилы наших друзей.

Я посмотрел на Сару, которая сидела в обнимку с детьми. Мальчишка, Майкл, смотрел на мое оружие с благоговением, а в глазах девочки, Эбби, таился глу-

бокий, застарелый страх, который, казалось, никогда не уйдет.

— Как они? — тихо спросил я Чака, кивнув на детей.

Чак помрачнел. Его плечи тяжело опустились, словно на них свалилась невидимая, но неподъемная плита. — Они выживают, Джон. Но это не жизнь для детей. Майкл научился собирать мины раньше, чем научился решать дроби. Он знает, как устроена растяжка, как почистить автомат, как быстро забинтовать рану. А Эбби… — Чак сглотнул, глядя на дочь, которая сейчас свернулась калачиком у матери на коленях. — Эбби не разговаривала полгода после того, как мы спустились сюда. Она видела, как Ткач разорвал на куски наших соседей, когда они пытались перебежать улицу. Она видела, как их ели. Иногда она просыпается по ночам и кричит так, что кровь стынет в жилах. А я… я просто сижу рядом и держу её за руку, потому что ничего не могу исправить. Я могу убить сотню мутантов, могу разобрать и собрать двигатель с закрытыми глазами, но я не могу вернуть ей её детство.

У Сары по щеке скатилась одинокая слеза, оставив влажную дорожку на покрытом копотью лице. Она быстро смахнула её тыльной стороной ладони, стараясь не выдать своей слабости перед детьми.

— Мы потеряли многих, — сказала она дрожащим голосом. — В первые месяцы здесь, под землей, была настоящая бойня. Люди сходили с ума от темноты, от голода. Банды пытались захватить ресурсы, чтобы кормить только своих. Нам пришлось убивать не только монстров, но и других людей, чтобы защитить своих. Мы делали то, что нужно было делать, но… это ломает душу. Ты начинаешь смотреть на человека как на источник ресурсов, а не как на личность. Мы боролись с этой тьмой, но я боюсь, что она начала проникать в нас самих.

Я опустил глаза. В этот момент я как никогда остро почувствовал вину. Вину за то, что мы ушли. Вину за то, что пока мы искали ответы, пока мы жили в относительном комфорте по сравнению с этим подземельем, эти люди барахтались в грязи и крови, выгрызая своё право на жизнь.

— Я не могу вернуть тех, кого мы потеряли, Чак, — сказал я, чувствуя, как слова с трудом срываются с губ. — Я не могу стереть кошмары из памяти твоей дочери. Но я клянусь тебе всем святым, что у нас осталось: мы сделаем так, чтобы эти смерти не были напрасными. Мы закроем эту дверь. Даже если для этого придется сжечь весь этот город дотла. Мы больше не будем просто прятаться. Мы пойдем в наступление. Мы вырвем наше будущее из их лап, чего бы нам это

ни стоило.

Это было обещание, которое я давал не только Чаку, но и себе. Мы не могли изменить прошлое, но мы могли попытаться искупить его ценой будущего.

Подглава 3.4: Заворожение Бездной

Когда первые эмоции немного улеглись, Сэм, пытаясь увести разговор от тяжелых воспоминаний, достал планшет, подключил его к портативному аккумулятору и загрузил файлы, скопированные с флешки.

— Смотрите сюда, — сказал он, выводя на экран голографическую проекцию, созданную на основе данных Бурова. На экране появилось сложное, трехмерное изображение Земли. Но она была не одна. Вокруг нее, словно мыльные пузыри, теснились другие сферы, пульсирующие разными цветами, вращающиеся в странном, гипнотическом танце.

— Это концепция мультивселенной Бурова, — начал объяснять Сэм, и в его голосе зазвучало неподдельное, почти мальчишеское восхищение перед величием науки. — Мы всегда думали, что параллельные миры — это просто зеркальные отражения нашего. Но это не так. Они наслаиваются друг на друга, как листы бумаги в книге. И между этими листами есть пустота. Первородный хаос.

Он нажал пару кнопок, и на экране две сферы соприкоснулись. В месте их контакта вспыхнула ослепи-

тельно-белая точка. — Коллайдер «АИД» пробил не просто стену между мирами. Он создал воронку, которая начала засасывать материю из другой, агрессивной экосистемы. Рой не строит космические корабли, они не прилетают с других планет. Они перемещаются через разломы в самой реальности. И самое страшное — и одновременно самое гениальное! — Буров понял, как они это делают. Их биомасса, этот Ткач — это не просто мясо. Это гигантская, биологическая антенна. Они используют резонанс самой планеты, чтобы стабилизировать порталы. Буров считает, что если мы сможем создать искусственный резонанс определенной частоты прямо в центре Нью-Йорка, мы сможем перехватить контроль над их вратами. Мы сможем открыть дверь для наших, прямо на головы этим тварям. Но для этого нам нужна энергия. Очень много энергии. И место, откуда можно ударить по всей сети Роя.

Мы все, включая Чака и Сару, как завороженные смотрели на пульсирующую проекцию. Это было пугающе и прекрасно одновременно. Масштабы вселенной, развернувшиеся перед нами на маленьком экране, заставляли почувствовать себя песчинками в бесконечном океане.

— Значит, их сила — это и их слабость? — спросил я, щурясь от яркого света проекции.

— Именно, — кивнул Сэм. — Если мы сбросим их с их собственной частоты, их порталы схлопнутся. Но это как пытаться остановить поезд, положив на рельсы монетку. Нам нужно попасть в резонанс. И этот узел, который мы нашли... он дает нам ключ. Буров разработал передатчик, который может сгенерировать обратную волну. Если мы установим его в правильном месте, мы сможем дестабилизировать всю сеть в радиусе пятисот километров.

Я смотрел на цифры, бегущие по экрану, на эти графики частот, на карту, где красные точки узлов Роя медленно начали окрашиваться в синий цвет по мере того, как Сэм симулировал работу устройства. Это был шанс. Настоящий шанс. Не просто надежда, а план. План, который мог сработать.

Подглава 3.5: Перековка и новый рассвет

Чак долго смотрел на проекцию, затем перевел взгляд на самодельный генератор в тоннеле, а потом на нас. Ирония, горечь и восхищение смешались на его лице в сложный коктейль.

— Значит, мы переходим от партизанской войны в канализации к квантовой физике с пулеметами, — усмехнулся он. — Звучит как самый безумный план из всех возможных. Мне нравится. Это в моем стиле. Если уж подыхать, то с квантовой пушкой в руках.

— Нам нужно выбраться на поверхность, — сказал

я, разворачивая на столе старую, потрепанную бумажную карту Нью-Йорка, которую достал из рюкзака. Она была испещрена пометками, сделанными карандашом, — наши маршруты, точки засады, зоны контроля Роя. — Сидеть здесь, как кроты, больше нельзя. Если мы хотим подготовить плацдарм для Бурова, нам нужно захватить ключевые точки. Инфраструктуру, логистические узлы. Нам нужен проект. Назовем его «Магистраль». Мы прорубим безопасный коридор от центра к окраинам. Нам нужно контролировать транспортные развязки, чтобы перебрасывать наши силы.

Чак кивнул. — У нас есть люди. Но у нас мало оружия и патронов. Вы сами видели, с чем мы воюем. Автоматы с глушителями из масляных фильтров и арбалеты. Против Ткача с этим не попрешь, если он решит бросить на нас элиту.

— Значит, первым делом мы идем за ресурсами, — Коля хлопнул ладонью по столу, оставляя на карте грязный отпечаток. — В городе полно полицейских участков, военных блокпостов, оружейных магазинов, которые Рой не тронул, потому что им не нужно огнестрельное оружие. Мы вооружим каждого мужчину и каждую женщину в этом подземелье. Мы создадим не просто бастион, мы создадим армию.

Я посмотрел на своих друзей. Мы были измотаны,

покрыты грязью и кровью, но в наших глазах горел новый огонь. Мы больше не были просто выжившими, бегущими от смерти. Мы стали армией вторжения. Это было странное чувство — осознавать, что ты больше не жертва. Что ты сам стал охотником.

— Завтра утром, — подвел я итог, поднимая кружку с чаем. — Завтра мы делаем первую вылазку. Мы познакомим Рой с новыми правилами игры. Этот город принадлежит нам. И мы заберем его обратно, улица за улицей, квартал за кварталом. Мы будем воевать так, как они не ожидают. Мы будем бить их там, где они считают себя в безопасности.

Чак поднял свою кружку в ответ, и мы чокнулись в тусклом свете диспетчерской. Впереди нас ждал ад, но впервые за долгое время мы были готовы шагнуть в него с улыбкой на лице. Мы знали, что нас ждут потери, что завтрашний день может стать для кого-то последним, но мы были готовы. Мы — те, кто выжил. Мы — те, кто вернулся. Мы — те, кто принесет конец их правлению.

Когда мы вышли из диспетчерской, лагерь спал, но это был чуткий, беспокойный сон солдат. Я шел мимо палаток, слыша дыхание сотен людей, доверивших нам свои жизни. Я чувствовал огромный груз ответственности, давящий на плечи. Мы должны были оправдать их доверие. Мы должны были победить. Я

поднял голову, глядя на своды станции, на эти суровые, серые стены, которые стали для нас временным домом, и поклялся, что скоро мы увидим настоящее небо. Не небо, затянутое пеплом, а ясное, чистое небо, такое, каким оно было до того, как всё рухнуло.

Мы начали перековку. Из выживших в воинов. Из беженцев в армию. Из теней в свет. И путь наш только начинался. Нью-Йорк был лишь первой главой в этой книге возмездия. Я знал, что Рой готовит нам ловушки, что Ткач не отдаст свою территорию без боя, но теперь у нас было то, чего не было у них — вера. Вера в то, что даже самый мрачный мрак можно прорезать лучами надежды.

Я лег на койку, чувствуя, как мягкость матраса проваливает меня в забытье. Мы были дома. Мы были с Чаком. И завтра… завтра всё изменится. Я закрыл глаза, чувствуя, как внутри меня рождается спокойная, ледяная решимость. Это не просто слова. Это наша работа. И завтра мы сделаем её до конца. Мы — Альянс. И мы возвращаемся домой.

Этот мир был болен, но мы были лекарством. Пусть и весьма радикальным. Пусть и залитым кровью. Но мы были здесь, чтобы исцелить эту землю от паразитов. Я уснул с мыслью о том, что завтрашний день будет громким. Очень громким. И Рой услышит этот голос. Голос сопротивления. Голос, который больше

не будет шептать во тьме, а будет греметь, как набат, возвещая о нашем возвращении. Мы вернулись, чтобы сжечь их дотла. И это была самая лучшая мысль, с которой я засыпал за последний год.

Тишина подземного города стала для меня символом мира, который мы однажды вернем. Но пока... пока мы будем воевать. Потому что это единственный способ дожить до рассвета. А рассвет будет, я знал это наверняка. Даже если нам придется прогрызать к нему путь через горы трупов мутантов. Даже если нам придется использовать всё, что у нас есть, до последнего патрона, до последней искры жизни. Мы не сдадимся. Мы — это те, кто выжил, чтобы принести справедливость. И эта справедливость будет суровой. Она будет беспощадной. Она будет такой, какой заслуживает этот мир после всего, что ему пришлось пережить. Мы будем воевать, пока не останется ни одной твари, ни одного портала, ни одной угрозы. И тогда, только тогда, мы сможем сказать, что наш долг выполнен. А пока — сон. Просто сон. Чтобы набраться сил перед тем, как перевернуть этот мир с ног на голову. И я верил, что мы это сделаем. Потому что у нас не было другого пути. Мы были обречены на победу самой своей сущностью. Мы — люди. И мы вернулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.